

*Речевая и музыкальная структура повести
А. П. Чехова «Черный монах»*

Евланова Е. В.

Главная особенность повести в том, что в ткань совершенно реальных и бытовых мотивов вплетается ирреальный мотив, который начинает приниматься нами за совершенно психологически реальный, и борьба этих двух несовместимых мотивов ведется в повести до своего логического завершения.

В повести наряду с речевыми планами главного героя и автора, взаимодействующими между собой, полноправно звучит голос музыки, обволакивающей гармонии звуков. Очарованный ею Коврин потихоньку впадает в помешательство. Пеняем скрипки, которая производила «впечатление человеческого голоса», «таинственными звуками» сопровождается завязка ковринской драмы. Тот же аккомпанемент возобновится при ее развязке.

Речевой план героя проявляется, когда он вводится с помощью субъективно-модальных показателей: **КАЗАЛОСЬ**, **ПРИШЛО В ГОЛОВУ** и пр. «Ему почему-то вдруг пришло в голову, что... он может увлечься и влюбиться...», «ему **КАЗАЛОСЬ**, что в нем каждая жилочка дрожит и играет от удовольствия». Во фразе звучит и музыка. Это происходит на имплицитном уровне, лексемы слов **ДРОЖИТ**, **ИГРАЕТ** несут в себе и музыкальное значение. Музыка оказывается в ядре мини-сюжета и служит ассоциативным средством индивидуальной характеристики героя.

Состояние героя может характеризоваться при помощи глагола **ЧУВСТВОВАТЬ** и глаголов со значением чувства, дополнительно выражающих отношение персонажа к содержанию высказываний:

«И он чувствовал, что его больным, издерганным нервам, как железо магниту, отвечают нервы этой плачущей, вздрагивающей девушки». Сольная партия Коврина как будто подпитывается подголоском Таниных слез.

Для разговоров Коврина с черным монахом характерно использование абстрактных существительных, глаголов и прилагательных со значением положительных эмоций:

«Если бы ты знал, как **ПРИЯТНО** слушать тебя!» - восклицает магистр при первой беседе с монахом, «потирая от удовольствия руки». «Однажды монах появился во время обеда... Коврин **ОБРАДОВАЛСЯ**...»

Как и во всем повествовании, при описании природы план автора свободно переходит в план героя, усиливая необходимое по сюжетному развитию настроение, возникающее благодаря нагнетанию средств одного семантического порядка слов, словосочетаний, уподоблений: «черный, густой, едкий дым», «облака дыма», «точно вихрь или смерч высокий черный столб», «черты туманились и расплывались».

Можно утверждать, что призрачность мечты магистра и призрачность самой действительности поддерживаются в рассказе не только образом монаха-призрака, во и настойчиво повторяемым образом дыма, тумана. И этот образ неоднозначен. Он имеет сугубо практическое значение - защищает коммерческий сад от мороза. И другое - подчеркивает эфемерность ковринских мечтаний. Недаром каждое появление монаха сопровождается черным столбом, напоминающим смерч.

Обратимся к развязке повести. В гостинице у севастопольской бухты полупомешанный магистр вновь услышит музыку, услышит за считанные минуты до смерти: «В романсе, который пели внизу, говорилось о какой-то девушке, больной воображением, которая слышала ночью в саду таинственные звуки и решила, что эта гармония священная, нам, смерт-

ным, непонятная...» Картина разрушения личности обведена контрастным контуром «гармонии священной».

В микросюжете развязки все сводится к письму от бывшей жены Татьяны. Оно содержит проклятья и пожелания скорой гибели. Тут же против угрозы «непокоя» принимаются меры. Сначала в надежде отвлечься магистр усаживается за работу, потом прислушивается к пению, наконец заводит разговор с монахом.

Но работа не пошла, монах поначалу начал выговаривать Коврину за непослушание, лишь серенада по-настоящему отвлекла. Одно средство употреблено, другое, третье, и вот... «на лице его застыла блаженная улыбка... Застыла на лице мертвого Коврина.

А за две страницы до финальных строк магистр отгонял от себя неприятные воспоминания, переключаясь на созерцание вечерней бухты: 'Была тихая теплая погода, и пахло морем, чудесная бухта отражала в себе луну... казалось, лунный свет сгустился я вместо воды наполнял бухту, а в общем... какое мирное, покойное настроение!»

Между словом автора и внутренним словом персонажа установилось согласие. Как и в речевом плане автора, в голосе природы нет места эксплицитным, а тем более резким оценкам. Их заменяют полутона, поэтические и музыкальные ассоциации, сравнения и намеки.

Итак, анализ позволяет более конкретно говорить о своеобразии художественно-речевой структуры повести. Содержание имеет музыкальную канву. Повествование идет от автора. Границы между оценочно-речевыми планами проводится неподчеркнуто. Избегая прямых и открытых оценок, Чехов мелодикой, цветописью, системой сопоставлений, намеков, эмоциональных и стилистических оттенков создает определенную атмосферу восприятия событий и героев повести. Этому способствует также описание природы.